

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№) . . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

ВТОРНИКЪ

10 января 1882
29 декабря 1881

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Признаки и перфшительность земской оппозиціи. — 2) Нравственность и мужество въ обвиненіяхъ въ шпіонствѣ. М. Драгоманова. — 3) Отъ редакціи. — 4) Изъ Бѣлграда (Корресп. «Вольнаго Слова») В—ча. — 5) Соціальный вопросъ въ Черногоріи. — 6) Литературно-политическія замѣтки. I. Новыя русскія статьи по польскому вопросу. (Окончаніе). М. Драгоманова. — 7) «Русь» г. Аксакова о «Вольномъ Словѣ». — 8) Хроника рабочаго движенія. I. Франція, II. Австро-Венгрія, III. Испанія.

ЖЕНЕВА, 10 января, 1882 г.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, истекшихъ послѣ написанія статьи въ прошломъ № «Вольнаго Слова»: «Новыя заявленія о необходимости общаго земскаго собора въ Россіи», русскія газеты принесли намъ извѣстіе еще о новыхъ земскихъ собраніяхъ, которыя болѣе или мѣнѣе ясно высказались въ пользу созыва представителей всѣхъ земствъ или по крайней мѣрѣ въ пользу выбора «свѣдущихъ» людей самими земствами. Въ такомъ смыслѣ высказались въ послѣднее время губернскія земства: херсонское, новгородское, псковское, полтавское, смоленское и казанское. Изъ нихъ новгородское земство сдѣлало и постановленіе, чтобъ предсѣдатель и члены управы не принимали приглашенія въ комиссію г. Каханова безъ уполномочія земства.

Интересны обстоятельства, сопровождавшія опредѣленіе земства полтавскаго. Еще въ началѣ прошлаго октября въ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи въ Полтавѣ предсѣдатель его, губ. предводитель дворянства г. Устимовичъ, заявилъ по поводу рѣчи мѣстнаго губернатора, что надѣется раскрытія широкой дороги для дѣятельности земства, — и что «изъ личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ во время недавняго пребыванія въ Петербургѣ и изъ бесѣдъ его

съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Игнатьевымъ, онъ приходитъ къ заключенію, что правительство ждетъ только достаточно основательнаго повода, чтобъ допустить само населеніе къ дѣятельному участию въ стоящихъ на очереди широкихъ экономическихъ реформахъ». (Трудъ, 1881, № 96).

Но замѣчательно, что даже это сообщеніе кievской газеты, — не опровергнутое никѣмъ, — не было однакожъ перепечатано другими изданіями, — (гр. Игнатьевъ очевидно просто проболтался на единѣ съ г. Устимовичемъ, приобрѣвшемъ репутацію либеральнаго предводителя дворянства, и воображая, что имѣетъ дѣло съ туркомъ или персомъ, никакъ не ожидая, что его болтовня перейдетъ въ газету). За тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ правительство гр. Игнатьева ничѣмъ не обнаружило желанія «допустить накопецъ само населеніе къ дѣятельному участию въ стоящихъ на очереди широкихъ экономическихъ реформахъ». Все, должно быть ждетъ «достаточно основательнаго повода», — хотя, казалось бы, для самодержавнаго правительства нечего ждать другого повода, какъ собственное желаніе, еслибъ оно у него было.

Теперь заявленія столькихъ земствъ, должны бы быть признаны за поводъ довольно «достаточный» для правительства благомыслящаго и искреннаго. Но въ томъ то и дѣло, что теперешнее правительство русское вовсе не таково. Судя по изложенію въ той же кievской газетѣ о засѣданіи 15 декабря экстреннаго полтавскаго губернскаго земскаго собранія, можно видѣть, что и самъ предсѣдатель этого собранія успѣлъ за послѣдніе три мѣсяца разочароваться въ своихъ оптимистическихъ надеждахъ. По крайней мѣрѣ, когда гласный, проф. Лучицкій предложилъ обратиться къ правительству съ ходатайствомъ, чтобъ въ комиссію г. Каха-

нова были приглашены «дѣйствительно свѣдущіе люди, выбранные отъ земствъ», — то г. Устимовичъ призналъ неудобнымъ ставить на обсужденіе вопросъ въ такой общей формѣ, такъ какъ она выходитъ изъ сферы мѣстныхъ интересовъ и нуждъ и предложилъ его въ иной формѣ, съ которою согласился и г. Лучицкій и большинство собранія, — а именно: «ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы при обсужденіи вопроса о реорганизаціи мѣстныхъ учреждений, комиссіею былъ бы выслушанъ представитель отъ полтавскаго земства».

Безспорно, ходатайство въ такой формѣ ближе къ буквѣ «положенія о земствѣ» и поставило бы правительство въ невозможность отвѣтить на ходатайство, что — моль оно выходитъ изъ законной сферы дѣйствія земскихъ учреждений, мѣстныхъ. И если бъ всѣ земства принимали рѣшенія въ такомъ родѣ, то изъ совокупности ихъ ходатайствъ вышло бы въ концѣ концовъ ходатайство объ общемъ земскомъ соборѣ. Но именно поэтому подобная постановка вопроса и есть ничто иное, какъ благонамѣренный юридическій крючекъ, къ которому никто не станетъ прибѣгать, имѣя дѣло съ правительствомъ искреннимъ. Правительство же неискреннее всегда найдетъ свой крючекъ, чтобъ увернуться отъ исполненія непріятнаго ему ходатайства, или же, по столько разъ повторившимся примѣрамъ императорскаго правительства въ Россіи, совсѣмъ не отвѣтитъ на земское ходатайство, самымъ легальнымъ способомъ редижированное.

Земствамъ Россіи ничего не остается, какъ поступить въ своемъ родѣ по наполеоновской фразѣ: sortir de la légalité pour entrer dans le droit (выйти изъ законности, чтобъ вступить въ право) и поставить дружно, вопросъ о созваніи земскаго собора безъ всякихъ обиняковъ и вовсе не въ видѣ постановки выборныхъ свѣдущихъ людей въ

кахановскую комиссію, — а таки настоящим земскаго собора, для рѣшенія всѣхъ государственныхъ вопросовъ, — политическихъ, административныхъ, экономическихъ и т. д. Въдѣ вотъ уже четвертый годъ разныя земскія и дворянскія собранія говорятъ въ сущности о томъ же, только обипякомъ да порознь, — и ничего не могутъ добиться отъ правительства, а дѣла страши идутъ все хуже, да хуже. Остается одно изъ двухъ: или умолкнуть и подставить смиренно голову подъ всѣ грядущія катастрофы, внутреннія и внѣшнія, — или заговорить сговоромъ, безъ обипяковъ и рѣшительно.

Обѣщанная въ предыдущемъ №-рѣ «Вольнаго Слова» статья, по поводу австро-русскаго соглашения, за недостаткомъ мѣста отлагается до слѣдующаго №-ра.

ПРАВСТВЕННОСТЬ И МУЖЕСТВО ВЪ ОБВИНЕНІЯХЪ ВЪ ШПИОНСТВѢ.

Въ 45 № «Общаго Дѣла» помѣщена статья г. В. З. «Теоретическія основанія суда надъ шпионами». Статья эта раздѣляется на двѣ части: на теоретическую замѣтку о данномъ предметѣ и на постъ-скриптъ, — очевидно практическаго характера. Постскриптъ этотъ, оканчивающійся заявленіемъ, что «Вольное Слово» есть органъ гг. Игнатѣева, Божидаровича и Драгоманова» могъ бы провозводить вполне соответственное текущимъ свѣточнымъ днямъ впечатлѣніе балаганнаго дивертисмента, — если бы въ немъ не было повторенія доноса, сдѣланнаго восхваляющею политикой гр. Игнатѣева газетою г. Суворина, доноса на г. Божидаровича никому другому, какъ тому же графу Игнатѣеву.

По теоретическая половина замѣтки г. В. З. затрогиваетъ вопросъ во всякомъ случаѣ нелишний интереса, при настоящемъ печальномъ положеніи Россіи и Россіи за границею, а потому, разъ онъ поднятъ, — мы думаемъ, что не бесполезно будетъ услышать о немъ мнѣнія съ разныхъ сторонъ. Сущность мнѣнія г. В. З. резюмирована въ слѣдующихъ словахъ:

«Всякій не только революціонеръ, но просто честный человѣкъ, заподозривъ лицо въ шпионствѣ, не только имѣетъ право, но и прямую обязанность высказать открыто это подозрѣніе, хотя бы съ рискомъ обвинить невиннаго. Опасность повредить одному лицу совершенно исчезаетъ передъ рискомъ сдѣлаться сообщникомъ гибели сотни людей, составляющихъ «солъ земли». Разумѣется, не должно возводить обвиненій легкомысленно; надо имѣть для этого полное нравственное убѣжденіе; оно назрѣваетъ само собой и помимо нашей воли; но разъ почувствовавъ его, надо имѣть мужество высказать его громко, не ожидая никакихъ уликъ, такъ какъ ихъ въ этомъ дѣлѣ быть не можетъ. Кто отступаетъ передъ этимъ,

тотъ обременяетъ свою совѣсть гораздо худшимъ укоромъ, чѣмъ еслибы безпрекословно допустилъ друга играть съ человѣкомъ, котораго подозрѣваетъ въ шулерствѣ. И пусть онъ не оправдывается софизмами, пусть не говоритъ, что не рѣшается безъ уликъ заклеить человѣка позорнѣйшимъ обвиненіемъ: — его истинный мотивъ — трусость и малодушіе».

Мы не станемъ доказывать необходимости и возможности объективной процедуры и въ обвинительномъ процессѣ по поводу подозрѣнія въ шпионствѣ, т. е. въ преступленіи столь тяжкомъ, что оно карается своего рода гражданской смертію, — безчестіемъ, — а иногда даже и физическою смертію, а потому требующемъ и весьма серьезнаго разслѣдованія. Мы попробуемъ стать вполне на точку зрѣнія субъективнаго процесса, рекомендуемую г. В. З., которая дѣйствительно въ экстренныхъ случаяхъ бываетъ единственно возможною, — но поднимаемъ вопросъ не о достаточности для того или другого субъекта тѣхъ или другихъ основаній для суда надъ шпионами, а объ тѣхъ требованіяхъ, какія нравственно развитое общество должно предъявить и къ самимъ обвинителямъ шпионовъ.

Во всякой субъективной процедурѣ все зависитъ именно отъ дѣйствующаго субъекта. Самъ г. В. З., даже заявляя, что всякій, заподозрѣнный другого въ шпионствѣ, обязанъ высказать свое подозрѣніе, «хотя бы съ рискомъ обвинить невиннаго», — прибавляетъ однакожъ: «разумѣется, не должно возводить обвиненій легкомысленно». Очевидно, что человѣкъ нелегкомысленный поступитъ согласно послѣднему наставленію г. В. З., а человѣкъ легкомысленный поступитъ по своему легкомыслию, — равно какъ субъектъ нравственно развитой употребитъ нравственныя способы для своего «полнаго нравственнаго убѣжденія» въ винѣ другого, — а субъектъ испорченный или нравственно-неразвитой прибѣгнетъ и къ соответственнымъ способамъ. Тутъ то и нужно, чтобы судьей и надъ заподозрѣннымъ, и надъ обвинителемъ было нравственно-развитое общество, въ интересахъ котораго производится и самый процессъ обвиненія.

Вотъ именно нравственно развитое общество и должно не только требовать нелегкомысленности обвиненій, но также не одобрять и примѣшиванія къ слѣдствію надъ предполагаемымъ шпиономъ личныхъ и въ частности своекорыстныхъ цѣлей, а также употребленія, для уличенія заподозрѣнныхъ въ шпионствѣ, шпионскихъ же средствъ: особенно такихъ, какъ подставка лицъ, провокація, опанваніе, кража бумагъ и т. п., потому, между прочимъ, что эти средства могутъ вести просто къ частному шантажу, а иногда, когда слѣдствіе попадетъ на болтуна, а не на дѣйствительнаго шпиона, то и къ доносу именно правительству. Въ эту же категорію недовольствительныхъ шпионскихъ дѣйствій должно быть отнесено и раскрытіе литературныхъ анонимовъ и псевдонимовъ, подъ предлогомъ усерднаго разоблаченія правительственныхъ агентовъ и укрывателей шпионовъ, такъ какъ такое раскрытіе можетъ легко обратиться въ орудіе лавочной борьбы

посредствомъ новой формы доносовъ правительству же, которому писанія этихъ анонимовъ и псевдонимовъ не могутъ нравиться. Затѣмъ общество должно требовать отъ обвинителей шпионовъ, чтобы они высказывали свои подозрѣнія, а особенно обвиненія, именно «открыто и мужественно», подкрѣпляя свои обвиненія своими именами, и если обвиненіе переходитъ въ печать, то своими именными подписями.

Въ случаяхъ совершенно экстренныхъ, однихъ такихъ открытыхъ и мужественныхъ личныхъ заявленій со стороны людей, къ которымъ общество можетъ имѣть довѣріе, совершенно достаточно, если не для обвиненія лица, то для предостереженія общества. Въ случаяхъ же не такъ экстренныхъ обычаями цивилизованныхъ людей, между прочимъ и французовъ, на которыхъ ссылается г. В. З., — выработали третейскіе суды, которые, внимательно разобравъ дѣло, публикуютъ свои рѣшенія съ поименованіемъ и свидѣтелей, и самихъ себя, какъ судей. Отступленіе же отъ подобнаго открытаго и единственно мужественнаго способа обвиненія, напр. сокрытіе обвинителей за анонимы, за безыменныя коллективности и за ихъ ничего не утверждающихъ и безответственныхъ секретарей, при дозволѣніи употреблять, на слѣдствіи противъ подозрѣваемыхъ шпионовъ, средства шпионскія же и безнравственныя, угрожаетъ образованію даже около самой кристаллической «солъ земли» такую грязь, въ которой не различить, гдѣ оканчивается прокуроръ свободы, а гдѣ начинается шулеръ, и гдѣ оканчивается шпионство революціонное, а гдѣ начинается правительственное. Грязь эта, конечно, не послужитъ ни къ пользѣ, ни къ украшенію ни земли обыкновенной, ни «солъ земли».

М. Драгомановъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Мы помѣщаемъ вышеприведенную замѣтку, съ идеями которой вполне согласны, какъ необходимое дополненіе къ нашему примѣчанію къ письму г. Гутермана и приложенному къ нему «Документу» (см. въ 19, Шпионство въ Женевѣ). Этими, по нашему мнѣнію, исчерпывается весь incident гг. Франка и Гутермана въ его теоретической части; а такъ какъ съ практической стороны онъ уже совсѣмъ не можетъ интересовать сколько нибудь широкій кругъ читателей, то тѣмъ болѣе будетъ понятно наше намѣреніе не возвращаться впредь къ этому предмету.

Что же касается до возобновленія, по этому поводу, г. В. З. сплетни о томъ, что «Вольное Слово» есть органъ гр. Игнатѣева, — то мы тоже въ послѣдній разъ скажемъ слѣдующее:

Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ инсинуація въ такомъ смыслѣ была пущена въ оборотъ «Общимъ Дѣломъ». Мы отвѣчали этой газетѣ предложеніемъ выступить противъ насъ съ фактическими обвиненіями, — но таковыхъ не дождались и по сѣнору. Въмѣсто того наши обвинители пускались въ такія передержки, какъ напр. выписка изъ корреспонденціи изъ Босніи съ выраженіемъ тамошнихъ надеждъ на гр.

Игнатъева и сокрытіе нашихъ возраженій противъ этихъ надеждъ. Наконецъ, «Общее Дѣло» собралось на выходку г. В. З., оффензивную по достоинству въ вышеприведенной замѣткѣ. Очевидно, людямъ извѣстнаго сорта подобныя выходки даются очень легко, и потому они могутъ плодить ихъ до безконечности.

Съ своей стороны мы заявляемъ разъ навсегда, — что «Вольное Слово» не имѣетъ никакихъ отношеній ни къ какимъ оффиціальнымъ, ни оффиціознымъ лицамъ, ни учрежденіямъ, — а есть изданіе вполне независимое и не имѣетъ другихъ цѣлей, кромѣ, посредствомъ свободнаго отъ цензуры слова, служить свободному развитію народа въ областяхъ Россіи и въ сосѣднихъ и родственныхъ имъ странахъ. Болѣе двадцати номеровъ нашей газеты лежатъ передъ публикою, — и она можетъ судить о томъ, чему и какъ служить эта газета, кому и чему она можетъ быть полезна и вредна. Въ такомъ же направленіи мы будемъ издавать «Вольное Слово» и впредь, до тѣхъ поръ, пока намъ хватитъ средствъ, или пока освобожденіе печатнаго слова въ Россіи сдѣлаетъ заграничныя русскія изданія излишними, — и предоставляемъ клеветать на насъ кому угодно и сколько угодно. Будетъ же время, когда всѣмъ станетъ ясно, кто служилъ дѣлу свободы въ Россіи, а кто, сознательно или безсознательно, ему противодействовалъ. Съ спокойной совѣстью мы будемъ ждать этого времени общественнаго суда и надъ нами, и надъ нашими клеветниками.

ИЗЪ БЪЛГРАДА.

31 декабря 1881 г.

Въ настоящее время Сербія во многихъ отношеніяхъ очень интересная страна. Послѣ политическаго гнета подъ правительствомъ Ристича, правительство прогрессистовъ дало, хотя и въ самомъ маломъ размѣрѣ, свободу слова и печати, свободу сходахъ; началась разнообразная политическая жизнь, которая продолжаетъ развиваться. Я намѣренъ отъ времени до времени сообщать Вамъ о важнѣйшихъ проявленіяхъ этой жизни, надѣясь, что это будетъ интересовать читателей «Вольнаго Слова».

Общественное мнѣніе въ Сербіи занимаетъ теперь всего болѣе вопросъ о перемѣнѣ конституціи. Прогрессистское правительство поэтому и держится, что обѣщало дать новую конституцію. Имѣвшая конституція дѣлаетъ верховное право народа совсѣмъ призрачнымъ и отдаетъ всю силу власти князю. Она не гарантируетъ народу свободы, а министерская отвѣтственность въ дѣйствительности не существуетъ. Съ помощью этой конституціи Ристичъ и могъ держать Сербію въ осажденномъ положеніи и по окончаніи сербско-турецкой войны. Только случайность дала возможность прогрессистамъ добиться правленія. Въ какомъ направленіи правительство думаетъ совершить перемѣну конституціи, объ этомъ оно молчитъ. Ходятъ слухи, что оно намѣрено предложить введеніе двухъ палатъ. Радикальная и социалистическая печать уже теперь борется за жизнь и смерть противъ этого намѣренія правительства.

На дняхъ были дополнительные выборы въ Скуп-

штину въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и въ Бѣлградѣ. За исключеніемъ Бѣлграда, вездѣ одержала побѣду радикальная оппозиція. Въ Бѣлградѣ побѣдили прогрессисты. Я и не упоминалъ бы Вамъ объ этихъ выборахъ, если бы въ нихъ работники въ первый разъ не приняли самостоятельнаго участія и не выставили своего собственнаго кандидата. Еще интереснѣе и важнѣе въ этомъ то, что ихъ кандидатъ (редакторъ социалистической газеты «Радникъ», Ценичъ) имѣлъ 80 голосовъ больше чѣмъ кандидатъ радикальной партіи, и 40 больше чѣмъ либеральный кандидатъ.

Черезъ нѣсколько дней начнутся засѣданія народнои скупщины здѣсь въ Бѣлградѣ. Она будетъ рѣшать важные вопросы, между прочимъ о смертной казни, о монастыряхъ и т. п. Радикальная оппозиція готовится напасть на правительство изъ многихъ его дѣйствій и во внутренней и въ внѣшней политикѣ. Эта скупщина должна согласиться на перемѣну конституціи.

Статуты австро-венгерской омадины не получили законнаго утвержденія. Это уже во второй разъ. 1-го января 1882 года будетъ по поводу рескрипта австро-венгерскаго правительства на счетъ статутовъ, сѣздъ нѣкоторыхъ членовъ омадины въ Бершецѣ. Я буду присутствовать на этомъ сѣздѣ и напишу Вамъ о томъ, что будетъ сдѣлано. Омадинское движеніе въ Австро-Венгріи имѣетъ очень важное значеніе; поэтому правительство и не хочетъ, что-бы омадина организовалась не только какъ политическое, но даже какъ литературное общество.

В—чъ.

СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЧЕРНОГОРИИ.

Заглавіе настоящей статьи, вѣроятно, заставитъ улыбнуться тѣхъ изъ читателей, которые привыкли думать о Черногорцахъ только въ связи съ походами и сраженіями. Соціальнаго движенія, правда, въ Черногоріи пока еще нѣтъ, но социальный вопросъ, не только существуетъ, но и становится болѣе и болѣе острымъ. Конечно, онъ отличается отъ соціальнаго вопроса гдѣ бы то ни было на столько же, на сколько Черногорія отличается отъ всякой другой страны.

Главное и существенное отличіе въ томъ, что Черногорія собственно *) никогда не предназначалась природою служить обиталищемъ человѣка; въ разщелинахъ этихъ безводныхъ и безночвенныхъ скалъ врядъ ли кто либо поселился бы добровольно. Въ странѣ явились жители только тогда, когда турецкое нашествіе заставило храбрѣйшихъ изъ Герцеговинцевъ и Албанцевъ искать себѣ убѣжища, недоступнаго для Турокъ. Убѣжище они дѣйствительно нашли на Черной Горѣ, и мужество невольныхъ поселенцевъ сдѣлало еще болѣе неприступною эту естественную крѣпость; но не могли они найти себѣ въ ней пропитанія. Кое гдѣ между голыхъ скалъ, въ углубляющихся воронкообразныхъ котловинахъ, называемыхъ здѣсь поля, завелось земледѣліе; въ другихъ мѣстахъ нашлись только скудныя пастбища для малорослой, худой породы скота, почти столько же выносли-

*) т. е. Катунская и окружныя нахін, къ которымъ только въ позднѣйшее время присоединилась Бърда. Впрочемъ, исключая Бѣлопавичей (узкая долина верхней Зеты), природа Бърды весьма сходна съ Черногорской.

вой, какъ и люди этой земли. Скотоводство, однако, также мало какъ и земледѣліе, могло прокормить Черногорцевъ; странно сказать, но совершенно вѣрно, что Черногорія, съ ея 10—12 жителями на квадратный километръ, всегда страдала относительнымъ многолюдствомъ! Трудомъ прокормиться они не могли, да и трудиться было часто напрасно: почти каждое лѣто Турки дѣлали набѣгъ, съ дѣлю именно испортить жатву, не дать Черногорцамъ собрать ее, при этомъ же разоряли жилища, вырубали лѣса, засыпали колодцы, однимъ словомъ поступали какъ осаждающій крѣпость непріятель, который старается морить гарнизонъ голодомъ. Оттого понятно, что всѣми работами дома, а въ иныхъ округахъ и въ полѣ, занимались одни женщины; мужчинамъ, отъ мала до велика, сторожившимъ непріятеля, было нѣкогда.

Сильна видно была любовь къ свободѣ въ жителяхъ сосѣднихъ странъ, если число Черногорцевъ, постоянно истребляемыхъ Турками и голодомъ, пять вѣковъ пополнялось удалцами со всего полуострова, особенно же изъ Герцеговины. Потребность въ пищѣ и чувство мести, самое сильное физическое и самое сильное нравственное чувство, одинаково дѣлали для Черногорцевъ непрерывную войну съ Турками необходимою. Война эта была двойная: рать (собственно война) и четованье. Перва была общимъ дѣломъ для всѣхъ племенъ, на которыхъ дѣлилась Черногорія; когда развѣивался алай-барьякъ (черногорское государственное знамя), всякій, кто только могъ поднять оружіе, спѣшилъ на защиту страны. Четованьемъ занимались, во всякое время, пограничные жители или вообще молодежь, собиравшаяся въ четы (отряды) для исканія добычи на турецкой землѣ. Четованья не считались войною и даже не воспрещались договорамъ; они становились все болѣе и болѣе выгодными для черногорцевъ по мѣрѣ того, какъ ослабѣвало турецкое могущество. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., въ Черногоріи было замѣтно общее довольство и благосостояніе, всецѣло основанное на добычѣ; явилась даже торговля, состоявшая въ обмѣнѣ награбленныхъ предметовъ роскоши на предметы первой необходимости. Большаго неравенства между жителями не было; были, конечно, племенные (благородные) роды, въ которыхъ особая чрезвычайная храбрость переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе и которые, сѣдовательно, приносили домой болѣе добычи. Но такъ какъ поддержаніе ихъ преимуществъ зависѣло отъ храбрости и искусства владѣть оружіемъ, то часто старые роды падали и возникали новые, даже изъ бѣднѣйшихъ; раздѣленія на классы не существовало и социальная борьба была бессмысленна.

Рѣшительный переворотъ въ экономическомъ и социальномъ, какъ и въ политическомъ устройствѣ Черногоріи, былъ произведенъ замѣною власти черногорскаго владыки княжескою властью. Владыка (митрополитъ) былъ выборнымъ верховнымъ предводителемъ и судьей вольнаго союза самостоятельныхъ и самоуправлявшихся племенъ, законы, нравы и обычаи которыхъ представляли большія различія между собою. Наслѣдникъ князя вносилъ принципъ монархической и даже самодержавной власти, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстной въ Черногоріи. Съ наслѣдственнымъ княземъ явились и привилегированныя лица — его многочислен-

ные родственники в той или другой степени, а за ними и личные фавориты. Начальники племен, прежде выбираемые народом в каждом племени, стали назначаться князем, хотя все так же необходимо из членов этого племени. Народная скупщина, высшее государственное учреждение страны, редко созывалось первым князем Данилом и ни разу его наследником, ныне властвующим князем Николом, вместо скупщины создан был Сенат из лиц назначенных князем, деятельность которого однако была ограничена судебными делами. Этот Сенат преобразовать теперь в Государственный Совет, еще более зависящий от князя. Наконец было проведено отделение военной власти от гражданской, и прежние начальники племен, воеводы, потеряли военную власть, подчиненную непосредственно князю.

Ни одно из этих преобразований не имело, впрочем, такого решительного влияния на экономический быт Черногорин, как изданное князем Данилом запрещение четованья. Запрещение это было несомненно прогрессивное, гуманное мѣрою, тѣмъ болѣе современной, что четованье, при которомъ Черногорцы грабили, разрушали жилища и убивали обитателей турецкихъ пограничныхъ округовъ, какъ мусульманъ, такъ и христіанъ, возбуждало непріязненные чувства между черногорцами и герцеговинцами, на которыхъ стала уже мѣтнуть тогда княжеская политика. Разширеніе предѣловъ и присоединеніе другихъ племенъ вовсе не было желательнымъ черногорцамъ прежнихъ эпохъ: первое увеличало бы трудности защиты территоріи, а второе—число участниковъ въ добычу. Князья, напротивъ, поставили себѣ главною задачею присоединеніе сосѣднихъ областей, возвышеніе военнаго и политическаго могущества государства.

Но какія бы политическія выгоды не представляло запрещение четованья, оно совершенно подорвало экономическое благосостояніе Черногорин. Съ 50-хъ годовъ начинаются голодные годы и выселеніе дѣятельныхъ и наиболѣе предприимчивыхъ Черногорцевъ въ всѣ города Леванта. Но не смотря на произведенное тѣмъ и другимъ уменьшеніе населенія, оно не могло найти въ почвѣ страны достаточно пропитанія. Было бы несправедливо упрекать Черногорцевъ въ педестатѣ трудолюбія; о немъ говорятъ путешественники бывшіе въ одной Цетинь и видѣвшіе людей, въ дорогихъ костюмахъ цѣлый день важно прохаживавшихся по главной улицѣ; это или главари, прибывшіе въ Цетинью, чтобъ видѣть князя или его перьяники (тѣлохранители), обязанность которыхъ быть близъ княжескаго дворца и въ готовности охранять князя или исполнять его приказанія. Простой народъ смотритъ на столицу какъ на средоточіе роскоши (по его масштабу) и порочн нравовъ, и избѣгаетъ ее. Повсюду въ Черногорин земля воздѣлывается, если не съ новѣйшими усовершенствованіями, то съ усердіемъ и настойчивостью, не уступающимъ напр. тому, какъ это дѣлается въ Швейцаріи. Но благодарная земля и въ лучшіе годы не даетъ достаточно хлѣба, чтобъ прокормить умѣреннѣйшихъ изъ людей! «Она не родитъ ничего» — говоритъ поэтъ (Любоміръ Ненадовичъ)—«кромя праваго юнака» (истиннаго героя).

Такимъ образомъ война для пріобрѣтенія земли, которая родила бы и хлѣбъ, стала во-

просомъ существованія для всей Черногорин. Она должна была содѣйствовать возстаніямъ сосѣднихъ племенъ одной расы и пользоваться ими для своихъ цѣлей. Это хорошо понимали и въ Константинополѣ и не разъ старались купить дружбу Цетинскаго правительства уступкою самыхъ плодородныхъ земель; за согласіе признать номинальное верховенство султана, Фуадъ-Паша, послѣдній государственный мужъ Турціи, предлагалъ даже черногорцамъ на выборъ лучшія земли во всей оттоманской имперіи, только бы они селились тамъ и оставили свои скалы.

Наконецъ геройство и страданія Черногорцевъ казались были награждены. По берлинскому трактату къ княжеству присоединили части Герцеговины и Албаніи, несомнѣнно плодородныя и даже богатые: Со стороны первой Никшичское поле, а отъ второй чудную равнину Зеты, берега Скутарійскаго озера и Адриатическаго побережья съ Даромъ (Антивари), и выгодно обмѣненными на горные албанскіе округа, Уциномъ (Дульцино). Эти рѣдко населенныя и малообработанныя земли, издавна славящіяся своимъ естественнымъ плодородіемъ, должны бы были вполнѣ обеспечить существованіе черногорскаго народа. Экономическій вопросъ такимъ образомъ пришелъ къ разрѣшенію, и возникъ вопросъ социальный.

Присоединенные округа занимали пространство почти равное Старой Черногорин и пѣсколько разъ ее превосходили количествомъ, — (не говоря уже о качествѣ) пахатной земли. Значительная часть этой земли осталась безъ собственниковъ: много мусульманъ и даже католиковъ албанцевъ выселились внутрь своей страны; государственныя же земли перешли въ распоряженіе князя. Здѣсь, казалось, представлялся единственныи случай устроить на долгое время экономическій и социальный бытъ Черногорцевъ: слѣдовало только, вдохновляясь традиціями геройскаго народа, раздать порожнія земли наиболѣе нуждающимся изъ Черногорцевъ и наиболѣе отличившимся въ послѣдней войнѣ (Въ Черногорин, гдѣ всякій храбръ отъ рожденія, бѣдняки имѣютъ болѣе причинъ показать свою храбрость необыкновенными подвигами).

При прежнемъ патріархальномъ устройствѣ, иначе и произойти не могло; теперь самодержавная власть устроила на другой ладъ. Я уже говорилъ выше, что съ ея водвореніемъ въ Черногорин выдѣлился сначала домъ Петровичей, а потомъ вся его родня и княжескіе любимцы. Эта матримоніальная и служилая аристократія отгѣснила на второй планъ старыя племенные роды, большая часть которыхъ защищала прежнюю свободу и пала, сокрушенная самодержавными князьями. На сколько старая аристократія отличалась храбростью и патриотизмомъ, настолько новая заявила себя хитростію и стремленіемъ къ пріобрѣтенію богатствъ; она не только стала кормиться на счетъ народа неслыханнымъ прежде въ Черногорин жалованьемъ за государственную службу, но только начала брать подряды на явившіяся съ попытками цивилизаціи новыя государственныя надобности, но и — что всего важнѣе — захватила въ свои руки возникающую промышленность и торговлю страны. Почти всѣ лавки въ Цетиньи принадлежатъ родственникамъ князя и создавшимъ имъ воеводамъ; въ лавкѣ конечно сидитъ прикащикъ, но и воевода, живущій

обыкновенно падъ лавкою, принимаетъ дѣятельное участіе въ продажѣ; не разъ, сидя въ гостяхъ у воеводы, я видѣлъ какъ ему приносили соленую рыбу или салыныя свѣчи и онъ самъ назначалъ цѣну и условія уплаты. Умѣвшіе изъ нихъ тщательно это скрываютъ, особенно отъ иностранцевъ; другіе же, попроще, не могутъ скрыть досады, когда видятъ, что пріѣзжіи покупаютъ что нибудь не у нихъ въ лавкѣ. — «Мы съ вами пріятели» — говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ въ послѣднее мое посѣщеніе Цетиньи, — «а вы покупаете то и другое не въ моей лавкѣ». — А я до тѣхъ поръ и не подозревалъ этого богато одѣтаго, говорящаго только о юначества (на парижскомъ бульварномъ жаргонѣ) аристократа въ мелкомъ торгашествѣ!

Тѣже вельможи въ лаптяхъ — вѣзпакши у о п а н ц и м а, какъ ихъ называетъ народъ, — настрояли себѣ домовъ и въ Данизовградѣ, (другой княжеской резиденціи, возникшей близъ дворца въ Орылукѣ), завели тамъ хлѣбныя и другіе магазины, куда они свозятъ запасы, богъ знаетъ какъ добываемые, изъ которыхъ они перепродаютъ потомъ въ три дорога народу; на перекресткахъ дорогъ ими заведены механы (родъ постоянныхъ дворовъ); наконецъ, они же, сами или черезъ прикащиковъ, даютъ въ займы подъ залогъ, попросту занимаются ростовщичествомъ...

На западѣ было много примѣровъ, какъ купцы дѣлались патриціями, — здѣсь напротивъ вельможи сдѣлались торгашами и ростовщиками. Соединеніе въ однихъ рукахъ политическаго и финансоваго могущества дѣлаетъ ихъ господство столь же неотразимымъ, какъ и тягостнымъ. Для стонущаго и выбивающагося изъ силъ простаго народа была одна надежда на войну съ Турціей, отъ которой ожидалась богатая добыча и плодотворныя земли. Но добыча, прежде бывшая частною собственностью храбреца ее захватившаго, по новому уставу была присвоена государству, т. е. князю, который и дѣлитъ ее со своими приближенными. Тоже самое случилось и съ государственными землями въ новыхъ округахъ, а также и съ частными, покинутыми ихъ владѣльцами, землями и домами. Всѣ эти имущества были въ короткое время поделены между богатыми, бѣдные же стали заниматься у нихъ въ рабочіе и потомъ своимъ обиліемъ ту землю, которую они уже оросили своею кровью.

Такъ случилось именно въ черногорской Албаніи, откуда было рѣшительное выселеніе; иначе обошлось въ горной Герцеговинѣ. Присоединенные къ Черногорин Пива, Баньяни, Шаранци, Дробняки были на дѣлѣ всегда независимыми; данъ султану они не платили, а напротивъ получали «подарки», когда не вели съ нимъ войны. — Землею, которую они обрабатывали и на которой жили, владѣли они какъ фактическия собственники; хотя и были бегимѣвшіе притязанія на эти земли, но такъ какъ они десятки лѣтъ не смѣли туда показываться и никогда не получали рентъ, то притязанія, основанныя на дарственныхъ записяхъ султановъ, потеряли, за давностью лѣтъ, даже всякое юридическое значеніе. Въ рукахъ князя черногорскаго и его вельможъ, притязанія эти сдѣлались правами и получили фактическое значеніе. «Освобожденные» Герцеговинцы были принуждены платить, не только подати, кото-

рыя они не платили прежде, но и ренту, которую они никогда не признавали. *)

Итак, черногорский народ делится теперь на два класса, во всем резко отличающиеся один от другого и с интересами прямо противоположными. Верхний — в одно время придворные и чиновники, крупные землевладельцы и мелкие торгаши, вышедшие из народа кулаки и мироды; нижний — это весь остальной народ, в одно время воины и рабочие, герои и мученики.

Трагична судьба народа, который после пятнадцатилетней непрестанной борьбы с жестокими врагами и с еще более неумолимой природой страны своей, после высшего напряжения сил, и совершения подвигов славнейших в истории очутился поработленным политически и экономически закабаленным....

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

I.

Новые русские статьи по польскому вопросу.

(Окончание).

Работа г. Спасовича имеет, конечно, больше веса, чем «Письмо» г. Н. С. Мы разумею сочинение г. Спасовича «Маркиз А. Вьелепольский, его жизнь и политика в польско-русском конфликте и вопросе», начатое еще в ноябре 1880 г. и оконченное только в декабре 1881 г. в «Вестнике Европы». Г. Спасович занимает в литературе особое положение: он поляк, но по своим работам принадлежит столько же русской, сколько и польской литературе, и имеет полное право говорить, как это он сказал в конце статей о М. Вьелепольском.

«Я протестую против «Московских Вьедомостей», назвавших мой труд служением одному польскому делу. В такой же степени можно бы сказать, что я старался служить и русскому делу; точка зрения у меня была общая обоим народам».

В петербургской журналистике нашлись голоса, которые поставили и эти слова в упрек г. Спасовичу, толкуя их так, что будто бы г. Спасович служит «и нашим, и вашим», и в тоже время, называя его «валероидом» и тут же заявляя, что настоящие поляки сами не уважают двуличности г. Спасовича. Но всякий, способный возвыситься до общечеловеческих идей, без которых теперь не лезь братья за разрывание ни одного политического вопроса, — только пожелает, чтобы повсюду было по больше людей, способных служить «и нашим, и вашим» — конечно, не в личных целях, — т. е., служить в одно время двум и даже трем, — десяти, если можно, народам, — и если бы на Востоке Европы было по больше людей, которые бы могли быть так же у себя дома в двух, трех и больше литературах, и обществах, как дома г. Спасович в литературах польской и русской, то дела

разных народов только бы от того выиграли.

С своей стороны, если мы что имеем замечать против Януса г. Спасовича, — так не столько то, что польская голова его гораздо больше, чем русская, или по крайней мере чем не польская, сколько то, что польская голова его больше эмпирическая, чем теоретическая и спекулятивная, отчего голова эта смотреть не туда, куда бы нужно было.

По нашему мнению, г. Спасович не совсем имел право написать в самом конце своей работы, — что «точка зрения у него была объективная и не исключительно-национальная, а, на сколько он мог, общечеловеческая». Точка зрения у него была все таки «исключительно-национальная», — хотя, положим, и не исключительно польская, а польско-русская, по все таки государственно-национальная, так как он все таки во всем обсуждаемом им «конфликте» и «вопросе» не видит других наций, кроме наций польской и русской, и других политических элементов, кроме государств, польского и русского. Г. Спасович теперь соглашается на известное подчинение государства польского — русскому, очевидно признавая за рациональную систему Вьелепольского, отказавшегося от польского сепаратизма, и требовавшего только автономии Конгрессувы, но все таки мало отклоняется от сущности идей старых польских патриотов. А это все вместе взятое отнимает у г. Спасовича лично возможность сыграть действительно новую роль в «русско-польском конфликте», роль, на которую он, по крайней мере по таланту своему, имел бы право, — и, еще вдобавок, отнимает у программы, или у партий, которых г. Спасович может считаться выразителем, большую долю прочности и надежды на успех, даже временный.

Для г. Спасовича в «польско-русском конфликте» не существует наций негосударственных. Оп, правда, в настоящей статье не говорит о т. наз. западных губерниях, а только о Конгрессуве, по эту последнюю, очевидно, считает за нечто органическое, за специмен польского государства и не признает здесь никаких наций, кроме польской. Есть в статье г. Спасовича очень характерное место по этой части, которое мы и выпишем целиком:

«Я не буду опровергать совершенно непрактичную мысль Милютинна об искусственном насаждении, средствами правительства, отдельных училищ для инородческих стихий: немцев и еврейских. К счастью, эта часть системы Милютинна не была приведена в исполнение министерством гр. Толстого и совершенно резонно. Есть поговорка: «Travailler pour le roi de Prusse», она шла бы здесь прямо к делу, она была бы повторением Стадионовской политики в Галиции по отношению к русинам, политики, которая оказалась ошибочной с точки зрения целостности и безопасности Австро-Венгерской монархии. По нашему мнению, свобода преподавания требует разрешать всякой национальности в государствах заводить на свои средства свои национальные

школы под контролем государства и с включением в преподавание государственного языка, как необходимого предмета образования, но воспитывать национальные разновидности на казенные средства не может лежать в задачах политики какого бы то ни было правительства». (В. Евр. 1881, июнь, 714—715).

В словах этих, в которых из за историка выглядывает политик, — (теоретик и практик в мистике) бросается в глаза вся странность и, — позволим себе сказать, отсталость, — понятия о государстве, как о чем то, по принципу, отделимом от населения и даже высшем над ним. Что это такое за «средства правительства», «казенные средства», на которых де «не лезь воспитывать национальные разновидности, инородческие стихии?» Что это наконец за «ино- и племенные стихии?» Казенные деньги — есть деньги, получаемые от всех стихий населения известной страны, — а потому и должны употребляться для удовлетворения нужд всех их. Что это за «интерес целостности и безопасности Австро-Венгерской монархии», который должен быть поставлен выше интересов населения ее, напр. населения русинов в Галиции?

В объяснение соответственных слов г. Спасовича мы должны напомнить читателям, что гр. Стадион был тот самый мистик Галиции, который в 1848 г. убедил венское правительство не только уничтожить барщину в этой провинции, но и признать в ней «русинов» за нацию отдельную от поляков и признать за ними все те права в образовании и в общественной жизни, какие признавались до тех пор только за поляками. В свое время (да и теперь) польские центристы внушали австрийскому правительству, что это «изобретение русинов» ведет прямо к отпадению Восточной Галиции к России. Теперь тоже самое повторяет г. Спасович. Между тем, прежде всего, самое положение это не верно: галичане в массе не только не обнаруживали желания отделиться от Австрии, но даже привлекали к себе нравственные интересы украинцев из России, по крайней мере литераторов, труды которых печатаются в Галиции в то время, когда этого нельзя делать в России. Не подлежит никакому сомнению, что если бы панско-польская реакция не взяла верх в Австрии, а если бы вместо того Стадионовская политика была логически продолжаема в Галиции и, конечно, развиваема, согласно росту условий времени, т. е., когда бы во всей Галиции было сколько нибудь радикально разрешен аграрный вопрос и когда бы теперешняя искусственная административная комбинация, провинция «королевство Галиция-Валлония с великим княжеством Краковским», была разделена на две части: польскую (столица Краков) и русинскую (столица Львов) с двумя сеймами, — тогда не только целостность австрийского государственного союза потерпела бы еще меньше, чем теперь, когда все таки в Галиции есть хотя единицы, которые желают присоединения к России (есть, — не со времен гр. Стадиона, а со времен колонизатора гр. Голуховского) — но напротив того русино-польские отношения при-

*) Впрочем, то и другое проводится с ловкой постепенностью и под предлогом государственных нужд, вытекающих из освободительной войны.

няли бы нормальной характер и Краковъ оказывалъ бы притягательное вліяніе на чистую Польшу въ Россіи, а Львовъ гораздо сильнѣе притягивалъ бы и руссійскую Украину. Примиръ Венеціи, которая рвалась отъ Австріи къ «конституціонному государству Виктора Эммануила», — и Тессинскаго кантона, который и не думаетъ отдѣляться отъ Швейцаріи — самымъ нагляднымъ образомъ доказываетъ всю невѣрность мнѣнія г. Спасовича, будто признаніе правъ какого бы то ни было населенія непременно опасно для цѣлости государства, — не говоря уже о томъ, что хоть бы г. Спасовичъ и былъ правъ, такъ все таки изъ того бы не слѣдовало, что интересы какого бы то ни было живаго населенія можно бы было приносить въ жертву Молоху цѣлости государства.

Намъ очень странно, какъ г. Спасовичъ не замѣтилъ того, что, написавъ слова свои о политикѣ гр. Стадіона, онъ прямо сыгралъ въ карманъ своихъ противниковъ, обрусителей. Неужели г. Спасовичъ не помнитъ отвѣта кн. Черкаскаго, сказаннаго во время славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 г., на предложеніе Ригера признать права польской національности въ Россіи: «пусть поляки начнутъ съ признанія правъ русиновъ въ Галиціи»? Неужели г. Спасовичъ не замѣчаетъ, что вся его теорія отношеній государства къ инноплеменникамъ есть ничто иное, какъ теорія г. Каткова? На основаніи той же теоріи, г. Катковъ отрицаетъ права поляковъ, какъ «инноплеменниковъ» въ государствѣ, которое онъ называетъ русскимъ, но крайней мѣрѣ по такому же праву, по какому праву г. Спасовичъ считаетъ Конгрессовку государствомъ польскимъ.

Впрочемъ, даже изъ выписанныхъ словъ видно, что г. Спасовичъ похваливаетъ катковского прикащика въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гр. Толстого за то, что тотъ не привелъ въ исполненіе составленнаго Н. Милютинимъ закона о народномъ образованіи въ Конгрессовкѣ. Похвала эта двойной странна у г. Спасовича. Уже какъ юристъ, г. Спасовичъ не долженъ бы былъ хвалить гр. Толстого, который административнымъ порядкомъ отмѣнилъ силу закона, — и при томъ закона, который, если не ошибаемся, былъ съ похвалою цитированъ и самымъ г. Спасовичемъ. Законъ этотъ содержитъ въ себѣ прекрасное заявленіе, что русское правительство «не позволить ни себѣ, ни кому другому дѣлать изъ школы орудіе политики». На основаніи этого принципа, законъ этотъ признаетъ польскій языкъ въ школахъ мѣстныхъ съ польскимъ населеніемъ. Правда, что онъ признаетъ тѣ же права и за языками другихъ населеній Конгрессовки: нѣмцевъ (и евреевъ нѣмецкаго языка), литовцевъ, русиновъ. Г. Спасовичъ говоритъ почему то только о нѣмцахъ и евреяхъ, — но ясно, что ему не нравится весь принципъ равноправности языковъ всѣхъ населеній извѣстной государственной единицы, не правится уравниленіе правъ «національныхъ разновидностей» съ поляками на столько, что онъ предпочитаетъ «обрусеніе» гр. Толстого этому уравниенію. Не потому ли, что эта система беспомощна противъ поляковъ, а литвинамъ и

украинцамъ, не дала подняться на ноги*).

Мы готовы трижды извиниться передъ г. Спасовичемъ, если онъ скажетъ намъ, что мы произвольно расширили его мысль, хотя намъ кажется, что, взявъ во вниманіе его общую теорію о государствѣ и «національныхъ разновидностяхъ» и отзывъ о системѣ гр. Стадіона, мы и имѣли право на такое расширеніе.

Является вопросъ: къ лицу ли полякамъ въ Россіи такая «государственная» теорія и такіе отзывы? Не говоря уже о дѣйствительно «общечеловѣческой» справедливости, — не практичнѣе ли полякамъ въ Россіи стать на точку зрѣнія именно равноправности всѣхъ «національныхъ разновидностей», да и добиваться признанія правъ своей разновидности и автономіи ея, — конечно, въ ея масовыхъ этнографическихъ границахъ, а не добиваться возстановленія совершенно искусственныхъ государственныхъ комбинацій, одною изъ которыхъ была комбинація м. Вѣлѣпольскаго? Г. Спасовичъ очень не доволенъ комбинаціей Н. Милютинна и имѣетъ къ тому много вѣрныхъ основаній, хотя и желательно было бы, чтобъ къ аграрной сторонѣ этой комбинаціи онъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ. Но вѣдь и комбинація м. Вѣлѣпольскаго тоже не годится въ цѣломъ своемъ видѣ для нашего времени. На нее не согласится не только русское правительство, но, гораздо болѣе и народы Россіи, освобождающіеся отъ этого правительства. Теперь надо выдумать нечто болѣе свѣжее: или отдѣленіе Польши, но только въ границахъ этнографическихъ, или участіе этнографической же Польши во всероссійской федераціи, съ сохраненіемъ правъ, но безъ всякихъ привилегій для польской національной разновидности. Въ томъ и другомъ случаѣ Конгрессовка м. Вѣлѣпольскаго врядъ ли избѣжитъ непріятнаго г. Спасовичу «разчлененія».

Скажемъ въ заключеніе, что появленіе статьи г. Спасовича представляется намъ фактомъ пріятнымъ, не только потому, что она содержитъ въ себѣ систематическое изложеніе событій, надъ которыми поучительно подумать, но и потому, что она представляетъ собою значительный шагъ впередъ со сторо-

*) Исключеніе изъ милютинскаго закона 1864 г. противъ украинцевъ началось еще до гр. Толстого и основано было легально на каламбурѣ. По закону, народное образованіе должно было быть на языкѣ населенія. Но населеніе украинское за З. Бугомъ, какъ и въ Галиціи, зоветъ себя русины, — прилагатъ русскій; языкъ свой русскимъ, — прекрасно отличая себя отъ «москалей» и языкъ свой отъ «московскаго» языка, который въ Россіи официально зовутъ русскимъ. Вотъ почему, когда въ 1864 г. устроилась въ Люблинѣ дирекція училищъ и приступила къ исполненію милютинскаго закона о школахъ, то возникъ вопросъ: что разумѣть подъ словомъ русскій языкъ въ Холмскомъ краѣ? Изъ Петербурга отвѣтили: «учить на русскомъ, т. е. великорусскомъ языкѣ». Но все таки въ виду непониманія народомъ послѣдняго языка, непониманія, засвидѣтельствованнаго въ послѣднее время корреспонденціями даже въ московскофильскомъ галицкомъ «Словѣ», допустили въ этомъ краѣ, по крайней мѣрѣ мѣстное произношеніе словъ (свѣтъ—свѣтъ и т. п.) и употребленіе галицкихъ учебниковъ. При гр. Толстомъ (съ 1866 г.) началось «обрусеніе» по всей формѣ. Плодомъ его была реакція въ населеніи въ пользу полонизма.

ны извѣстныхъ словъ польскаго общества по части практической постановки польскаго вопроса въ Россіи. Еще девять лѣтъ тому назадъ съ восхваленіемъ системы м. Вѣлѣпольскаго и съ предложеніемъ «примиренія» поляковъ съ Россіей (?) выступали такіе писатели, какъ напр. авторъ брошюры «Polska i Rosyja w 1872 r., przez bylego członka Rady Stanu Królestwa Polskiego». (Dresden, 1872). Въ этой брошюрѣ полякъ предлагаетъ Россіи, за уступки, слѣдующее пособіе: «мы обьявимъ на каждомъ мѣстѣ смертельную войну подтачивающему ваше юношество нигилизму, — съ которымъ отлично справимся, потому что мы, такъ сказать, пронюхаемъ всякихъ сознательныхъ и безосознательныхъ послѣдователей этого ученія, тайносоціалистовъ и тайнонигилистовъ, этихъ лицемѣровъ, которые, проникнувъ даже въ официальные сферы, подъ видомъ ревности къ общественному порядку и престолу, подрываютъ начала перваго и основанія второго безумною или преступною рукою»).

Въ свое время мы имѣли случай критически отнестись къ подобнымъ «мироворцамъ», на сколько позволила намъ цензура (въ Коршевскихъ СП. Вѣдомостяхъ). Г. же Спасовичъ выступилъ противъ нихъ съ статьею въ «Вѣстникѣ Европы» (1872, № 8) «Польскія фантазіи на славянофильскую тему». Въ этой статьѣ г. Спасовичъ отнесся далеко безъ симпатій къ «мертворожденнымъ дѣтенышамъ комбинаціи м. Вѣлѣпольскаго» и къ славянофильскимъ идеямъ автора брошюры, представляющимъ развитіе извѣстнаго «Lettre d'un gentilhomme polonais» маркиза, и съ своей стороны далъ полякамъ совѣтъ не совѣмъ ясный: «Богѣ положительный совѣтникъ, запретивъ своимъ землякамъ всякое политиканство, внушилъ бы имъ быть скромными труженниками въ государствѣ, среди котораго поставила ихъ судьба, не чуждаться русскихъ, чѣмъ между прочимъ провинились ихъ предшественники, состоять съ русскими въ живѣйшемъ общеніи умственномъ и экономическомъ, но сохранить, не сливаясь съ окружающею средою, и свое національное чувство, и свой языкъ».

Не лѣзя не признавать этого совѣта не только неяснымъ, но и слишкомъ скромнымъ и въ тоже время слишкомъ исключительнымъ. Теперь, выступивъ прямо защитникомъ системы м. Вѣлѣпольскаго, — т. е. административной автономіи Конгрессовки, съ признаніемъ за нею польскаго національнаго характера, — г. Спасовичъ выступаетъ съ болѣе опредѣленною практическою программой. Удерживая вышеннеложенныя свои замѣчанія на эту программу, мы прибавимъ еще замѣчаніе о не-

*) Интересно, что этой, ужъ конечно вовсе не либеральной ноты, не замѣтили великорусскіе либеральные «мироворцы», вроде проф. Градовскаго, которые пришли въ восторгъ отъ втораго изданія подобныхъ польскихъ примирительныхъ брошюръ въ 1877—1878 гг. и принались съ своей стороны улаживать миръ поляковъ все таки съ Россіей, какъ съ государствомъ великорусскимъ. Подъ «тайносоціалистами и тайнонигилистами» въ концѣ 1860-хъ годовъ разумѣлись въ извѣстныхъ польскихъ и русскихъ кругахъ Н. Милютинъ, кн. Черкасскій, Юр. Самаринъ и т. п. Это интересно теперь напомнить «Руси», г. П. Аксакова, который самъ теперь говоритъ языкомъ своихъ бывшихъ противниковъ. О tempora, о mores!

необходимости полякамъ не только не чуждаться русских и быть съ ними въ общеніи умственномъ и экономическомъ, но припять участие въ общемъ политическомъ движеніи всѣхъ народовъ Россіи къ преобразованію ея на началахъ политической свободы, съ областнымъ и національнымъ самоуправленіемъ.

М. Драгомановъ.

„РУСЬ“ Г. АКСАКОВА О „ВОЛЬНОМЪ СЛОВѢ“.

«Вольное Слово» вообще, а статья «Историческая Польша и великорусская демократія» въ частности, удостоились рѣзкаго осужденія въ «Руси» г. И. Аксакова. Этого, конечно, и слѣдовало ожидать. Но чего можно было и не ожидать отъ изданія человѣка, имѣвшаго репутацію писателя по призванію, такъ это, во первыхъ, выходокъ личныхъ, въ родѣ обзыванія автора статей «Историч. Польш. и вел. демократія» «самозванымъ главою хлопманіи», (съ какихъ это поръ у г. Аксакова стало грѣхомъ быть «хлопоманомъ», т. е. горячимъ защитникомъ хлоповъ, мужиковъ?) а во вторыхъ, того приѣма, который допущенъ въ «Руси» противъ названной статьи. Приемъ этотъ состоитъ въ томъ, что рецензентъ вырываетъ отдѣльныя фразы изъ половинъ XIII главы этой статьи, и заявивъ, что онъ другихъ главъ не видѣлъ, вертитъ вырванные фразы, сообразно дѣламъ своего кружка, а иногда своей фантазіи. Чтобы сказать г. Аксакову, если бы кто либо поступилъ такъ съ одной изъ длинныхъ статей его изданія, — онъ, который и теперь жалуется на своихъ журнальныхъ противниковъ, которые-де «подвергаютъ его рѣчи превратнымъ истолкованіямъ», — и сѣуетъ, что «слово въ наши дни какъ будто служитъ не къ уясненію, а къ большей путаницѣ понятій».

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ.

I.

ФРАНЦІЯ.

Стачка углекоповъ въ департаментѣ Gard. Стачки въ другихъ мѣстахъ. Участіе рабочей партіи въ послѣдней избирательной борьбѣ.

Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, въ области явленій борьбы труда съ капиталомъ во Франціи больше всего общественное мнѣніе поглощено стачкой углекоповъ въ Grand Combe (въ департаментѣ «Gard») — одномъ изъ богатѣйшихъ пунктовъ добычанія угля на югѣ Франціи. О барышахъ компаніи, обладающей этими угольными копами, можно судить потому, что акціи ея повысились съ своей первоначальной стоимости въ 500 франковъ до 2650. Эта громадная прибыль еще больше возбудила жадность капиталистовъ къ обогащенію на счетъ своихъ рабочихъ. Къ способамъ пониженія заработной платы относятся между прочимъ всевозможные штрафы и регулярное забракование ^{1/10} части добываемого рабочими угля. Эта забракующаяся часть продукта, извѣстная подъ названіемъ «Bagjas» (камни, мусоръ и т. д.), въ дѣйствительности не превышаетъ

5—6%¹⁰ продукта, и при томъ почти не пропадаетъ для компаніи. Она, во первыхъ, прямо смѣшиваетъ эти негодные для топлива вещества съ углемъ, сбывая его такимъ образомъ потребителямъ, во вторыхъ, утилизируетъ ихъ и другими путями. Не смотря на это, компанія объявила рабочимъ, что впредь четвертая доля продукта (25%!) будетъ считаться какъ «Bagjas, или иначе говоря: на каждые четыре вагона угля рабочіе теряютъ заработную плату, соответствующую добычкѣ одного вагона. Рабочіе представили свои жалобы на несправедливость этой мѣры къ пониженію ихъ заработка; въ теченіе недѣли они напрасно ждали какого нибудь отвѣта отъ компаніи и, наконецъ, 14 декабря 4,000 углекоповъ оставили мастерскія, заявивъ рядъ требованій, изъ которыхъ приводимъ слѣдующія: 1) сокращеніе рабочаго времени до 8 часовъ въ сутки для работающих въ шахтахъ и до 10 для работающих на поверхности земли; 2) предоставленіе въ руки рабочихъ управления вспомогательной кассой (для больныхъ и т. д.) посредствомъ выбора ими изъ своей среды членовъ администраціи тайной подачей голосовъ; 3) выдача имъ задѣльной платы деньгами, а не натурой — предметами потребленія изъ магазиновъ компаніи; 4) продукты причисляются къ «bagjas» только въ томъ случаѣ, если въ нихъ содержится камней и т. п. свыше ^{1/10} части угля. Осмотръ вагоновъ долженъ производиться выборнымъ отъ рабочихъ.

Эти требованія наглядно характеризуютъ, въ какой кабалѣ держатъ у себя рабочихъ ассоціаціи капиталистовъ — углекоповъ въ Grand Comble. Замѣтимъ кстати, что чистый доходъ послѣднихъ отъ своихъ складовъ и лавокъ съ предметами потребленія для рабочихъ достигаетъ цифры 350,000 фр. въ годъ.

Не смотря на совершенное спокойствіе среди стачечниковъ, правительство послало двѣ бригады жандармовъ и 300 солдатъ для охраненія «свободы труда». У всѣхъ проходовъ, ведущихъ къ «владѣніямъ» компаніи расположены пикеты солдатъ. Когда увѣщанія поповъ и монаховъ не подѣйствовало, арестованы были нѣсколько десятковъ стачечниковъ. Арестованные оставались въ подвалѣ 20 часовъ безъ всякой пищи и безъ соломы и какихъ нибудь приспособленій для сна. Между ними находился одинъ стачечникъ, получившій ушибъ, вслѣдствіе паденія во время шествія подъ конвоемъ въ темную ночь къ мѣсту заключенія. Подъ вліяніемъ поднятой въ обществѣ и газетахъ агитаціи, 30 заключенныхъ отпущены послѣ допроса. Тѣмъ не менѣе, въ подвалахъ меріи Grand Comble сидятъ еще 12 человѣкъ» — сообщаетъ корреспондентъ газеты «Justice» (21 дек.)

Всѣ эти мѣры правительства вмѣстѣ съ крайнею умѣренностію требованій стачечниковъ привлекли на сторону послѣднихъ сочувствіе не только рабочихъ всей Франціи, но и значительной части радикальной буржуазіи. Повсюду организовано собраніе взносовъ въ пользу стачечниковъ. Два радикальныхъ депутата отправились къ Гамбеттѣ съ дѣлюю требовать возвращенія войска изъ Grand Comble; но онъ не принялъ этихъ депутатовъ. По этому поводу радикальная газета воспроизводитъ блестящую рѣчь Гам-

бетты, произнесенную въ парламентѣ 12 лѣтъ тому назадъ, въ которой онъ протестовалъ противъ послѣдн. войска въ Крезе, гдѣ тогда была стачка. «Justice», напечатавъ извлеченіе изъ этой рѣчи, спрашиваетъ въ заключеніе: А имъ этого оратора? Г. Гамбетта — извѣстно отвѣчаетъ она.

Многочисленная толпа женщинъ прошлась въ Пизѣ (въ Grand Comble) по улицамъ, неся трехцвѣтное знамя съ пѣніемъ марсельезы, прерываемымъ криками: да здравствуетъ республика! да здравствуетъ стачка!

Не смотря на моральную и нравственную поддержку, получаемую стачечниками изъ всѣхъ крупныхъ центровъ Франціи, дѣлая система устрашеній со стороны правительственныхъ агентовъ въ связи съ страшной зависимостью рабочаго населенія въ Grand Comble отъ компаніи, уже въ силу сосредоточенія въ однихъ рукахъ торговли предметами потребленія*), значительная часть стачечниковъ уже покорилась безусловно своимъ господамъ-работодателямъ. 28 декабря всего одна тысяча, по словамъ «Justice», еще продолжала отстаивать свои требованія. Раздраженіе во всякомъ случаѣ очень сильно между рабочими, чему, конечно, особенно содѣйствуетъ обращеніе агентовъ компаніи съ изъявившими покорность рабочими: такъ ихъ допрашиваютъ относительно роли въ стачкѣ, не подстрекалъ ли ихъ къ ней тотъ или другой изъ рабочихъ, кто инициаторы стачки и т. д. Затѣмъ ихъ посылаютъ къ католическому и протестантскому попамъ просить прощенія за свистки и дурной приемъ, встрѣченный ими у стачечниковъ, когда они явились увѣщевать ихъ. Наконецъ, составленъ списокъ именъ нѣсколькихъ сотъ лицъ стачечниковъ, которыхъ рѣшено ни за что не принимать на работу. Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, окончательный результатъ стачки еще неизвѣстенъ; но едва ли можно сомнѣваться, что она окончится пораженіемъ рабочихъ.

Изъ множества другихъ стачекъ, совершающихся теперь во Франціи, упомянемъ только еще о стачкѣ столяровъ въ Базерѣ, продолжающейся уже четыре мѣсяца, какъ особенно характерной для отношенія хозяевъ къ рабочимъ. Рабочіе выработали тарифъ, предоставленный обсужденію смѣшанной комиссіи изъ 18 человѣкъ, избранной на половину рабочими и на половину хозяевами. Но, не умѣя сбить съ толку рабочихъ делегатовъ, хозяева прямо исключили ихъ изъ комиссіи, что привело къ окончательному разрыву съ послѣдними, а затѣмъ къ ихъ стачкѣ. Если принять во вниманіе, что подобные и еще худшаго рода факты — очень обыкновенное явленіе въ столкновеніи труда и капитала, то станетъ понятнѣе отвращеніе передовыхъ элементовъ французскаго пролетаріата отъ обращенія къ покровительству и поддержкѣ даже радикальныхъ элементовъ буржуазіи. Такъ недавно собраніе «соціал-экономической федераціи плотниковъ» въ Парижѣ

*) Сочувствіе стачечникамъ со стороны нѣкоторыхъ элементовъ буржуазіи едва ли больше всего не объясняется неприязнью къ компаніи за сосредоточеніе въ ея рукахъ торговли предметами потребленія, лишая такимъ образомъ лавочниковъ и т. п. значительнаго дохода.

протестовало против обращения делегатов некоторой части плотников к депутатам и муниципальным советникам Парижа за содействием и посредничеством между стачечниками и хозяевами, объявляя «это поведение унижительным» для рабочего класса.

В Алжире стачка хлебопеков продолжалась; хозяева пока пользуются услугами солдат, предоставленных им в распоряжение для замещения мятежных рабочих. Стачка скульпторов и фортепьянщиков близится к концу, так как большинство хозяев уступило требованиям рабочих.

В области политической борьбы рабочая партия выступила в последнее время при муниципальных выборах в Дижон, где привела своего кандидата и в Париже при выборе депутата в одном округе в парламент. Число голосов, полученных социалистическим кандидатом, поднялось с 977 (в августе 81 г.) до 2774, что свидетельствует о росте влияния рабочей партии, особенно, если принять во внимание краткость промежутка времени между первыми и вторыми выборами и репутацию кандидата противной стороны, сдвигавшегося когда то жертвою противодействия государственному перевороту Наполеона III.

II.

АВСТРО-ВЕНГРИЯ.

Последняя сессия рабочих в Вienne. Перечень некоторых фактов преследования правительством рабочего движения.

25 и 26 декабря в Вienne состоялись три рабочих собрания, о которых «Neue Freie Presse» сообщает следующее. Одно, «немецко-чешское», прошло без всяких пертурбаций со стороны полицейских агентов. Присутствовали в нем 900 человек и темой реферата служил вопрос о необходимости объединения всех мелких и разрозненных рабочих обществ в одну рабочую организацию для содействия развитию, как умственному развитию, так и улучшению материального положения низших классов. Второе собрание, «которое было чрезвычайно многочисленно», также прошло спокойно, хотя, по словам репортера либеральной газеты, ораторы не скупились на резкую критику правительственных действий. Наконец третье народное собрание, — собственно первое, ибо состоялось 25 декабря, а только что упомянутое 26 декабря — в котором присутствовали 1,200 представителей различных отраслей труда, было закрыто правительственным комиссаром в середине речи одного из ораторов. «После того, как некоторые ораторы высказались по поводу «требований рабочих», рабочий Фиоретти попросил слова и высказал между прочим, что в науке существуют теперь два взгляда относительно рабочего вопроса. Между тем, как один утверждает, что рабочие должны добиваться своих требований законным путем, другие предлагают насильственный образ действий. Оратор защищает последний путь», указывая на постоянные распуски собраний рабочих и конфискацию их газет, как на доказательство невозможности для рабочих добиваться своих прав законным путем.

Тут раздались шумные всеобщие одобрения.

Тогда правительственный комиссар объявляет собрание распушенным. В публике раздаются восклицания: «ого! докончить!...» Начинается страшный шум, среди которого неслышно ли голоса президента, ни правительственного комиссара. Неизвестно, чем закончилось бы это собрание, если бы не раздался вдруг «громовой голос одного рабочего: «Товарищи! докажем, что в наших рядах господствует дисциплина и оставим спокойно зал; что мы сегодня не досказали, то выскажем завтра у Дрегера» (это то собрание, которое было «чрезвычайно многочисленно» — по словам цитируемой нами газеты). Моментажно водворилась тишина — и публика спокойно разошлась.

Очень может быть, что только благодаря подобному вниманию одного из рабочих, правительственный комиссар ушел из собрания здоровым и невредимым. По крайней мере, еще очень недавно в Вienne в одном собрании столяров и лакировщиков полицейский агент был жестоко избит, когда настоятельно потребовал закрытия собрания. Вследствие этого арестованы были затм 12 рабочих, хотя еще неизвестно, действительно ли они участвовали в избивании полицейского.

Вообще политическое положение рабочих в Австрии характеризуется следующими, замеченными мною только у одной газеты, фактами. В № 24 «Arbeiterfreund» (друг рабочих), издающейся в Богемии, сообщается, что 8 номеров ее в течение 81 г. были конфискованы (всего выходит в году 24 номера). Из десяти рабочих собраний в северной Богемии, которым удалось состояться, четыре были в середине дебатов или реферата распушены. В течение целого года только 4 рабочим обществам удалось получить правительственное утверждение своих статuten. Газета насчитала 59 осуждений на тюремное заключение, при чем некоторые лица приговорены к 4 годам, а Франкель, редактор будапештской «Еженедельной рабочей хроники», приговорен к 1½ года и 600 флоринтам штрафа за перепечатание статьи «Социалдемократ» по поводу убийства Александра II. Обысков за этот год произведено было минимум несколько сот *). В середине декабря в одной только Праге в предварительном заключении находилось 20 человек, а 19 декабря арестованы в локале рабочего общества «Dělnická Jednota» 18 человек. Поводом послужило большое распространение летучих листов, присланных из Лондона. По той же причине многочисленные обыски в Ессексе. Многочисленность и частота обысков видно из следующих сообщений, записанных нами без особенного разбора: 22 сентября в Граце обыски у 35 лиц; забраны все газеты, учебники — словом все печатное. 15 сентября обыск в Вienne у 5 социалистов. 9 сентября обыск в Франценфельде — даже вся посуда была тщательно осмотрена. 27 августа арестованы в Кинденберге 4 социалиста из Граца — за присутствие, будто бы в тайном собрании, а 28 и 29 августа

*) Впрочем, из обзоров газет в точности не видно, относится ли эта цифра к одной Богемии, или ко всей Австро-Венгрии.

обыски в локале общества самообразования и у 10 социалистов. В начале октября запрещен союз «Dělnická Jednota», а в Лейтмеритце арестованы 4 члена «общества для чтения» — «Svornost», и забрано множество социалистических изданий. 12 октября в Вienne арестованы 2 социалиста за то, что они будто бы были зачинщиками в стачке рабочих одной отрасли производства трубок (курительных), а 31 октября обыски в Лемберге у многих рабочих и в некоторых типографиях.

Что касается до Венгрии специально, то «конституционные гарантии» ее иллюстрируются тем, что социалистическая партия не может иначе существовать, как под скромным названием «касс для больных» и т. п. Я уже выше упоминаю о приговоре Франкеля *). Чтобы доконать его, кто ему не допускают друзей и знакомых. Так, когда один депутат венгерского парламента явился в тюрьму для посещения Франкеля, то ему ответил служитель, что по «дисциплинарным соображениям» заключенного видеть нельзя, соображения же эти, заметил служитель, — «официальная тайна». Книжки с «противогосударственным» содержанием не дозволяются читать Франкелю. «Как же вы отлучаете содержание книги на французском и английском языках?», спросил депутат служителя. «Я конфискую все книги, в которых написано слово: «социальный» — ответил он.

По словам «Народной газеты» **) в Battazek рабочее собрание закрыто было под предлогом неприсутствия в нем двух местных землевладельцев (!).

III.

ИСПАНИЯ.

Успехи рабочей партии.

О рабочем движении в этой стране газета швейцарских анархистов «Révolte», получающая отсюда сведения из первых рук, сообщает следующее: Рабочая организация принимает громадные размеры. Социалистический орган «Revista Social» (анархического направления, которое господствует в рабочем движении Испании) в каждом номере содержит целые столбцы, наполненные известиями об образовании новых ремесленных федераций. Так, недавно сформировались рабочие солианого производства в провинции Кадиксе; во всех промышленных центрах Каталонии рабочие массами присоединяются к областной федерации социалистической партии, образуя секции в 100, 200 и 400 членов. В Мадриде рабочие всех отраслей строительного занятии действительно готовятся к образованию общей организации. «Наконец, что особенно достойно внимания — организация подвигается с замечательной быстротой в селах, особенно в Андалузии, среди землевладельцев и помещателей.

*) Был членом Парижской Коммуны в 71 г.

**) Это собственно одно из множества названий будапештской «Еженедельной хроники», даваемых ей для свободного прохода в Австрию. Сама эта газета, впрочем, довольно умеренна.